ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

EDN: GWUQFM УДК 94(470)

Заключение советско-китайского договора о ненападении 1937 г.

Новиков Михаил Васильевич
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается история (1932–1937 гг.) советско-китайского переговорного процесса о заключении пакта о ненападении 1937 г. на основе документов Политбюро ЦК ВКП(б) и Народного комиссариата иностранных дел СССР. Целью исследования является детальный анализ документальных материалов и реконструкция на их основе хода переговорного процесса. Отмечается одномоментность советско-китайских переговоров о восстановлении дипломатических отношений, разорванных Китаем в 1929 г., и переговоров о заключении договора о ненападении, инициированных китайской стороной. Подчеркивается, что после захвата Японией Северо-Восточных провинций Китая и образования там в марте 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го Китайская Республика была крайне заинтересована в переговорах о пакте, чтобы тем самым оказывать давление на японскую сторону на японо-китайских переговорах о достижении взаимоприемлемого компромисса. Подчеркивается, что в дальнейшем китайская сторона отказалась от идеи пакта о ненападении и стала настаивать на заключении пакта о взаимной помощи, что сначала было поддержано советской стороной, позднее от этого отказавшейся. По инициативе советской стороны на переговорах вновь стал обсуждаться вариант заключения пакта о ненападении, который после провала японо-китайских переговоров о достижении взаимоприемлемого компромисса был подписан 21 августа 1937 г. в условиях начавшейся полномасштабной войны Японии против Китая. Отмечается, что гораздо большее значение в той ситуации для Китая имело заключенное в сентябре 1937 г. советско-китайское соглашение о взаимодействии в военной сфере, о поставках оружия и командировании в Китай советских военных специалистов, что сыграло важную роль в сопротивлении японской агрессии в 1937–1941 гг.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, пакт о ненападении, переговоры, военное соглашение, поставки оружия, советские военные специалисты.

В 2027 г. исполняется 90 лет советско-китайскому договору о ненападении, сыгравшему важную роль в развитии взаимодействия СССР и Китайской Республики в отражении японской агрессии в 1930-е гг., направленной против Китая, а также против Монгольской Народной Республики и Советского Союза. Это историческое событие отражено во многих общих работах по истории Китая и советско-китайских отношений [2; 6–8; 11–13; 18; 20]. Из специальных научных исследований [10] выделяется статья А. Ю. Сидорова «Проблемы заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.)» [16], подготовленная с привлечением как опубликованных документов, так и архивных материалов; переговорный процесс рассматривается в широком контексте политического взаимодействия двух стран. Целью нашего исследования является представление переговорного процесса строго в соответствии с имеющимися документами Политбюро ЦК ВКП(б) и Народного комиссариата иностранных дел СССР по данной проблеме. Разделяя некоторые оценочные суждения Сидорова, наша статья, тем не менее, носит самостоятельный характер и является существенным дополнением к данному исследованию.

Первые предложения китайской стороны о заключении договора о ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой (далее – КР) практически совпадают по времени с началом контактов о восстановлении дипломатических отношений, разорванных Китаем в 1929 г. 26 сентября 1931 г. глава делегации КР на советско-китайских переговорах в Москве, именуемых в дипломатических документах конференцией, в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР Л. М. Караханом предложил восстановить дипломатические отноше-

© Новиков Михаил Васильевич, 2026

ния по упрощенной процедуре [15, с. 37]. 21 июня 1932 г. Карахан был проинформирован китайской стороной о том, что для ведения переговоров о быстром возобновлении дипломатических отношений в Москву направляется Гарри Хусейн [15, с. 95], а 29 июня нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов получил письмо от китайской стороны с предложением начать переговоры «по вопросу о заключении договора о ненападении между Китайской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик» [15, с. 96].

В тот же день, 29 июня 1932 г., состоялась беседа зав. 2-м Восточным отделом НКИД Б. И. Козловского с членом китайской делегации Ван Цзэнси, в ходе которой китайский дипломат представил предложение своего правительства немедленно заключить пакт о ненападении, «что должно будет означать одновременное восстановление нормальных дипломатических отношений между СССР и Китаем». Козловский в ответ озвучил советскую позицию по этому вопросу: сначала восстановление дипломатических отношений без всяких условий, «после чего пакт о ненападении придет, как естественный результат восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Китаем» [15, с. 97]. Аналогичный ответ китайской стороне дал в официальном письме и Литвинов: «…мое правительство готово будет приступить к обсуждению вопроса о заключении пакта о ненападении с Китайской Республикой, как только Советским Союзом будут восстановлены с нею нормальные дипломатические отношения» [15, с. 99].

Сидоров достаточно полно раскрывает причины, почему китайское правительство считало приоритетом подписание договора о ненападении [16, с. 123]. Об одной из них В. М. Молотов и Л. М. Каганович письмом известили И. В. Сталина, находившегося на отдыхе в Сочи: «Восстановление отношений, да еще путем подписания пакта о ненападении, будет ставить своей целью затруднить нам восстановление нужных нам отношений с Маньчжоу-го. Можно быть уверенным, что китайцы прямо включат в пакт о ненападении какие-либо пункты, прямо связывающие нас в нашей маньчжурской политике» [1, с. 165, 166; 19, с. 215].

Поскольку в НКИД возникла дискуссия относительно приоритетности [см.: 16, с. 124], вопрос был вынесен на политбюро ЦК ВКП(б), которое приняло следующее Постановление: «Совпра не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт о ненападении придет как естественный результат восстановления отношений» [1, с. 171].

Дискуссия советских и китайских представителей по этому вопросу еще продолжалась какое-то время, но в итоге правительство КР приняло советское предложение о приоритетности восстановления дипломатических отношений перед заключением пакта о ненападении; во всяком случае, в китайском проекте ноты от 28 сентября 1932 г. речь шла только о восстановлении дипломатических отношений [15, с. 113, 114]. Восстановление отношений между СССР и КР должно было произойти в ходе обмена соответствующими нотами во время встречи в Женеве Литвинова и представителя КР в Лиге наций Янь Хойцина [15, с. 120].

7 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее постановление: «В случае возобновления со стороны Китая предложения о заключении пакта о ненападении ответить, что этот вопрос может быть разрешен после фактического восстановления отношений в дипломатическом порядке» [15, с. 126]. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами между Литвиновым и Янь Хойцином, что означало немедленное восстановление дипломатических отношений между СССР и КР [15, с. 129, 130]. На следующий день НКИД представил в Совет народных комиссаров записку об отмене Постановления ЦИК Союза ССР и СНК от 16 августа 1929 г. «О прекращении сношений Союза ССР с Китаем» [15, с. 131, 132].

В начале 1933 г. китайская сторона, которая вела параллельные переговоры с Японией в надежде разрешить конфликтную ситуацию дипломатическим путем, в целях шантажа японской стороны организовала утечку информации о советско-китайских переговорах, касающихся договора о ненападении. Информационный шум в японских газетах по этому поводу вынудил советское руководство, для которого гораздо важнее представлялось заключение такого договора с Японией, подготовить официальное опровержение ТАСС: «…ТАСС уполномочен опровергнуть, как лишенное всякого основания, распространяемые японским агентством “Демпо цусин” и газетой “Осака Майници” сведений о том, что в Москве происходят переговоры о заключении пакта о ненападении между СССР и Китаем» [15, с. 158].

В условиях продолжения японской агрессии против Китая и выхода Японии из Лиги Наций китайская сторона весной 1933 г. стремилась форсировать подписание пакта о ненападении с СССР. 11 мая 1933 г. китайский МИД вручил послу СССР в КР Д. В. Богомолову про-

ект пакта о ненападении, состоявший из введения и 11 статей [15, с. 169, 170]. В проведенной советским посольством в Китае экспертизе документа говорилось, что «он содержит обычные для пактов о ненападении обязательства об отказе от войны, отказе от участия во враждебных актах, отказ от помощи третьей державе, являющейся агрессором, и о взаимном отказе от вмешательства во внутренние дела. Но, кроме статей, обычно содержащихся в пактах о ненападении, Нанкинским правительством включена в проект пакта статья, придающая пакту особый характер, связанный с нынешними событиями на Дальнем Востоке, а именно – отказ от всякого признания де-юре и де-факто положений, созданных агрессией третьей державы. Эта статья, очевидно, имеет в виду воспрепятствовать продаже КВЖД, а также поддержанию официальных отношений с Маньчжоу-го» [15, с. 170].

Для советского руководства в тот момент гораздо важнее было избежать открытого конфликта с Японией, поэтому, как подчеркивает Сидоров, «советская сторона решила затянуть изучение китайского проекта и тем временем прояснить намерения Токио относительно судьбы КВЖД (а возможно, и заключить соглашение о ее продаже), после чего вновь вернуться к вопросу о договоре» [16, с. 125]. Коллегия НКИД приняла решение не форсировать переговоры [15, с. 179], а сменивший Карахана на восточном направлении зам. наркома иностранных дел Г. Я. Сокольников в письме просил Богомолова убедить китайскую сторону, что СССР не против заключения пакта о ненападении [15, с. 179, 180].

Китайский МИД был очень озабочен судьбой своего проекта пакта о ненападении. 11 июля 1933 г. поверенный в делах КР У Наньжу начал беседу с Сокольниковым с прояснения ситуации с китайским проектом пакта о ненападении, который был вручен Богомолову два месяца тому назад. Сокольников предсказуемо ответил, что он получил текст китайского проекта «лишь недавно и в настоящее время занят его изучением» [15, с. 192]. Информируя Богомолова об этой беседе, Сокольников сообщил, что, поскольку новых решений по этому вопросу нет, сообщить китайской стороне, «что предложенный китайским мининделом проект мы не считаем приемлемым в качестве основы переговоров и готовы его рассматривать лишь как предварительный материал. Мы готовы представить на рассмотрение китайского мининдел свой проект пакта» [15, с. 193].

16 августа 1933 г. Сокольников проинформировал Богомолова о беседе с послом КР, в ходе которой, «естественно, всплыл вопрос о нашем ответе на предложения по заключению пакта о ненападении, сделанного нам китпра. Однако я вполне категорически подчеркнул, что переговоры по этому вопросу поручено вести Вам в Нанкине и что мои сообщения ему здесь имеют только информационный характер» [15, с. 199].

Как видно из письма Богомолова Сокольникову от 29 августа 1933 г., советский полпред, будучи по делам дипломатического корпуса в Пекине, «не торопился в Нанкин и Шанхай для того, чтобы избежать постановки вопросов со стороны нанкинского правительства о пакте» [15, с. 202]. В следующем письме Сокольникову, датированном тоже 29 августа 1933 г., Богомолов подчеркивал, что политика Нанкина в ближайшее время будет направлена на дальнейшие уступки Японии, на поддержание хороших отношений с США, Лигой Наций и СССР в надежде, что это поможет уменьшить японские притязания, но основа китайской политики в том, «чтобы найти пути к прочному соглашению с Японией» [15, с. 205].

31 августа 1933 г. врио зав. 2-м Восточным отделом НКИД М. В. Юшкевич и зав. правовым отделом НКИД А. В. Саванин направили на Коллегию НКИД советский проект «Договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой», состоявший из короткого введения и семи статей, с приложением китайского проекта [15, с. 206–211]. 10 сентября Коллегия НКИД рассмотрела оба проекта и постановила поручить правовому отделу переработать представленный вариант советского проекта на базе пакта с Турцией 1925 г. с дополнением некоторых статей китайского проекта и передать новый вариант на утверждение Сокольникову [15, с. 211]. 27 сентября Сокольников известил Богомолова о том, что новый вариант проекта пакта о ненападении направлен на утверждение в «инстанцию» (Политбюро ЦК ВКП(б). – *М. Н.*). После утверждения проект разрешалось переслать Богомолову по телеграфу, что исключало всякую секретность. Сокольников просил не затягивать вручение китайцам советского проекта, но в то же время не подчеркивать то тактическое значение, «которое переговоры о пакте с Китаем имеют для нас в момент обострения переговоров по КВЖД» [15, с. 211, 212].

13 октября 1933 г. Богомолов вручил китайскому МИДу советский проект пакта о ненападении [3, с. 570]. В письме Сокольникову он поделился своими впечатлениями, которые сводились к тому, что в данный момент китайская сторона «не весьма увлечена идеей пакта…

или все, или ничего, или тесное сближение с СССР на предмет общей защиты от японской агрессии, или нет особого смысла для Китая заключать какой-либо пакт» [15, с. 219]. 13 ноября 1933 г. Богомолов направил Сокольникову еще одно письмо, в котором он отметил, что прошел месяц со времени вручения китайской стороне советского проекта и нет никакой реакции. По его предположению проект не устроил китайскую сторону, но самое главное в том, что Нанкинское правительство ведет серьезные переговоры с Японией и постарается использовать переговоры о пакте с СССР как инструмент давления на Японию [15, с. 227]. К аналогичным выводам пришел и Сокольников 26 декабря 1933 г. после бесед с послом КР Янь Хойцином: «Нанкин решил основательно замариновать вопрос о подписании пакта… Чан Кайши не хочет подписанием пакта с нами портить свои отношения с Японией и, пожалуй, даже имеет на этот счет прямые “советы” от японцев» [15, с. 242].

Как справедливо отмечает Сидоров, в тот момент казалось, что тема заключения пакта о ненападении никому не нужна, «обе державы не собирались воевать друг с другом, прекрасно об этом знали и не нуждались в правовых гарантиях ненападения. В формате пакта каждая из них пыталась разрешить те или иные интересовавшие ее конкретные внешнеполитические вопросы» [16, с. 126].

В течение 1934 г. Богомолов информировал НКИД об отношении китайской стороны к идее пакта о ненападении. 27 февраля он сообщил, что китайский МИД не предпринимает в этом направлении никаких шагов [15, с. 273]. 13 ноября на Коллегии НКИД обсуждался вопрос развития советско-китайских отношений, и в первом пункте решения было записано, что «ввиду позиции Китая считать вопрос неактуальным» [15, с. 357].

23 марта 1935 г. завершился советско-японский переговорный марафон о продаже КВЖД Маньчжоу-го [9]. В тот же день Литвинов направил Сталину новый проект пакта о ненападении, подготовленный в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) [15, с. 410]. В сопроводительном письме Литвинов отмечал нежелание китайской стороны заключить пакт в данный момент и подчеркивал, «что при таких обстоятельствах нам вряд ли стоило напрашиваться с пактом… вместо этого поручить т. Богомолову заявить Чан Кайши, что мы готовы продолжить переговоры о пакте о ненападении и внести даже некоторые изменения в первоначальный проект с учетом китайских пожеланий» [15, с. 409]. В итоге Политбюро ЦК ВКП(б) поддержало точку зрения Литвинова, хотя принятое им Постановление об активизации советско-китайских отношений придало стимул для их развития по другим направлениям.

В ходе беседы Богомолова с Чан Кайши 19 октября 1935 г. еще раз подтвердилось весьма прохладное отношение китайского руководства к идее заключения пакта о ненападении. Чан Кайши заявил, что он, безусловно, за подписание с СССР и пакта о ненападении и торгового договора, но он считает, что они являются только формальными актами. «Он хотел бы иметь такое существенное соглашение, которое действительно способствовало бы сердечным отношениям между Китаем и СССР и могло бы гарантировать мир на Дальнем Востоке», подчеркнув, что он имеет в виду военное соглашение, соглашение о взаимной помощи [3, с. 537].

14 декабря 1935 г. зам. наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков, сменивший Сокольникова на восточном направлении, телеграммой проинформировал Богомолова, что советское правительство не возражает против предложения Чан Кайши заключить соглашение о взаимной помощи и готово подробно обсудить этот вопрос с китайской стороной [3, с. 590]. В последовавшем вскоре письме Богомолову Стомоняков поделился сомнениями в надежности Чан Кайши как партнера по пакту о взаимной помощи. Он предложил Богомолову организовать встречу с Чан Кайши с целью выяснения его истинных намерений в отношении Японии и СССР. Богомолову предлагалось подтвердить готовность правительства СССР пойти на заключение пакта о взаимной помощи и поставить Чан Кайши ряд вопросов: каковы должны быть обязательства сторон, с какого момента они вступают в силу, какими военными силами Китай располагает, каков план защиты Китая от японской агрессии, планирует ли Чан Кайши договориться с КПК о создании единого фронта для борьбы с Японией? Учитывая особую секретность темы беседы, ответ Чан Кайши предлагалось доставить в Москву дипкурьером [3, с. 601, 602].

Выполняя поручение НКИД, Богомолов встретился с Чан Кайши и познакомил его с содержанием письма Стомонякова «по пунктам». Выслушав Богомолова, Чан Кайши никак не отреагировал на советское предложение о заключении пакта о взаимной помощи, в то же время он заявил, что самым важным из заданных ему он считает вопрос о китайской Красной армии. «Если нам удастся договориться по этому вопросу, остальные решатся сами собой».

Далее он отметил, что вполне понимает, что может существовать легально компартия, но ни в одном государстве недопустимо, чтобы политическая партия имела свою армию. Необходимо, чтобы СССР использовал свой авторитет, чтобы убедить Красную армию признать фактическое правительство, и тогда китайское правительство сможет оказать сопротивление Японии [4, с. 35, 36]. В течение 2-часового разговора Чан Кайши неоднократно возвращался к этой мысли, получая предсказуемые ответы Богомолова об отсутствии у правительства СССР влияния на китайскую Красную армию и о том, что проблема отношений правительства КР и КПК является внутренним делом Китая. Чан Кайши просил передать правительству СССР его заявление: Красная армия должна признать авторитет центрального правительства и командования и, сохраняя свой теперешний состав, принять участие в войне против Японии [4, с. 36]. В ответной телеграмме Стомонякова Богомолову констатировалась неопределенность позиции Чан Кайши, отсутствие прогресса в переговорах о заключении пакта о взаимной помощи [4, с. 723].

В дальнейшем, как пишет А. Сидоров, Москва «под разными предлогами тянула время, чтобы “прояснить намерения” Чан Кайши и дождаться от него новых уступок, в первую очередь по вопросу примирения с коммунистами» [16, с. 129].

В ходе беседы Богомолова с Чан Кайши и Кун Сянси 21 марта 1936 г. китайская сторона озвучила свое видение советско-китайского договора о взаимной помощи: «…китайское правительство мыслит себе соглашение как широкий пакт. Китайское правительство готово взять на себя обязательство выступить на стороне СССР, если Япония выступит на любой границе СССР, то же самое должен сделать и СССР» [4, с. 724]. Кроме того, в конце беседы Кун Сянси по секрету сообщил, что Чан Кайши уже ведет переговоры с компартией о едином фронте и он надеется на успех [4, с. 724].

Летом 1936 г. китайская сторона через видного деятеля Гоминьдана Чэнь Лифу представила согласованное с Чан Кайши предложение по содержанию договора о взаимной помощи: пакт должен быть составлен по образцу советско-французского договора от 2 мая 1935 г., но без упоминания Лиги Наций; пакт должен устанавливать, что СССР обязан оказать помощь Китаю после истечения определенного срока после официального начала военных действий между Китаем и Японией [15, с. 579].

Эти предложения китайской стороны стали предметом серьезного анализа в НКИД, результаты которого были представлены в проекте директивы Центра к переговорам по вопросу пакта о взаимной помощи. В проекте подчеркивалось, что основная трудность переговоров заключается «в специфическом положении Китая как партнера для подобных переговоров. То обстоятельство, что Китай в течение нескольких лет допускает постепенное вторжение японских войск и постепенное отторжение ими ряда китайских территорий, создает основную трудность в этом деле. Фактически Япония уже в течение свыше пяти лет ведет малую войну против Китая, и никто в мире не знает, до каких пределов китайское правительство позволит Японии захватывать китайские территории без оказания сопротивления этим захватам» [15, с. 579]. Далее в проекте отмечалась неопределенность политики и намерений правительства КР, которое вело параллельные переговоры с СССР о заключении пакта о взаимной помощи и с Японией, центральным пунктом соглашения с которой являлась борьба с так называемой красной опасностью, т. е. фактически с СССР [15, с. 580]. Исходя из этой аргументации, в проекте подчеркивалось, что советско-китайские переговоры «затянуты не по нашей вине, а исключительно вследствие неясности положения Китая, его политики и намерений» [15, с. 580].

Основные положения директивы с подробными комментариями были изложены в письме Стомонякова Богомолову 23 октября 1936 г. Подчеркивая, что при политической ситуации в Китае, отмеченной в директиве, заключение пакта о взаимной помощи с этой страной по-прежнему является делом преждевременным, Стомоняков предлагал затянуть переговоры на новый срок под предлогом выезда Богомолова в СССР для доклада и отпуска. В то же время, понимая, что соглашение о продаже Китаю советских военных самолетов могло бы стать какой-то заменой пакта о взаимной помощи, Стомоняков поручил заявить Чан Кайши и Чэнь Лифу о готовности СССР начать поставки самолетов через Синьцзян [15, с. 581–583]. В тот же день Стомоняков направил Богомолову еще одно письмо, в котором поделился сомнениями относительно готовности Чан Кайши создать единый фронт с КПК для борьбы с японской агрессией. Он поддержал Богомолова в том, что Чан Кайши пойдет на союз с КПК либо за день, либо через день после начала Японией полномасштабной войны [15, с. 583, 584] (что в итоге так и оказалось).

Несомненным катализатором советско-китайского переговорного процесса стали события в г. Сиани. Чан Кайши, стоявший перед дилеммой создания единого фронта с КПК или ее уничтожения в ходе очередной военной кампании, прибыл в Сиань с большой охраной, чтобы разобраться с командующими армиями генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном, начавшими создание единого фронта с КПК регионального масштаба. В ночь на 12 декабря 1936 г. Чан Кайши был арестован офицерами армии Чжан Сюэляна, и ему предъявили следующие требования: прекратить гражданскую войну с КПК, освободить из тюрем лидеров патриотического движения и политзаключенных, разрешить массовое патриотическое движение и др. Чан Кайши находился под арестом до 25 декабря 1936 г., КПК требовала суда над ним и казни, верные Чан Кайши войска были готовы освободить его силой, СССР и Коминтерн настаивали на его немедленном освобождении, полагая, что только Чан Кайши может возглавит единый фронт борьбы с японской агрессией, позиция КПК эволюционизировала в эту же сторону. В итоге достигнутого компромисса Чан Кайши был освобожден, дав устное секретное обещание о прекращении гражданской войны с КПК и о создании единого фронта. Сианьские события, твердая позиция СССР и Коминтерна о поддержке Чан Кайши, по мнению и Мао Цзэдуна, и Чан Кайши, создали необходимые условия для создания единого общенационального фронта борьбы с японской агрессией в Китае [см.: 14, с. 741, 742].

Вернувшийся в Москву Богомолов 11 февраля 1937 г. представил Литвинову пространную докладную записку с предложениями относительно советско-китайских переговоров о заключении пакта о взаимопомощи. Он предлагал в любом случае продолжать переговоры, обосновывая это их большим влиянием как на японофильскую, так и на антияпонскую части китайской элиты, а также на ход японо-китайских переговоров в части возможного присоединения Китая к Антикоминтерновскому пакту. Далее Богомолов высказал рискованное предположение, что советско-китайский пакт о взаимопомощи «не только не ускорит возможную японо-советскую войну, но наоборот, отдалит момент ее возникновения», подкрепив ошибочным утверждением о неготовности Японии к немедленной большой войне не только с СССР, но и с Китаем [15, с. 624] (менее чем через пять месяцев Япония начала полномасштабную войну с Китаем). Понимая неготовность КР к заключению пакта о взаимной помощи в тот момент, Богомолов предлагал заключить договор о дружбе. Кроме того, он считал необходимым «довести до благоприятного конца переговоры о нашей технической помощи Китаю», поставив самолеты, танки и направив военных инструкторов, получив взамен вольфрам, тунгстен, олово, чай, шелк и т. д. [15, с. 626].

Литвинов довел до сведения Политбюро содержание докладной записки Богомолова, акцентировав внимание на поддержке полпредом идеи заключения пакта о дружбе. Литвинов также предлагал ограничиться пактом о дружбе. Позиция Литвинова была поддержана Политбюро и стала основой директивного письма Богомолову, в котором заключение пакта о взаимной помощи было объявлено преждевременным и предлагалось подписать пакт о дружбе. Подчеркивалось, что в случае заключения Тихоокеанского пакта о взаимопомощи (США, СССР, Китай, Англия, Франция и др.) двухсторонний договор о дружбе должен был автоматически аннулироваться (это было маловероятно вследствие непопулярности у руководства США идеи Тихоокеанского пакта). Далее в письме отмечалась целесообразность заключения с правительством КР военно-технического соглашения о продаже самолетов, танков и другого военного снаряжения с выделением кредита на 50 млн долл. США и покрытием кредита поставками китайских товаров (вольфрам, тугстен, чай, шелк и др.). В письме также сообщалось о готовности СССР принять в советские военные училища китайских летчиков и танкистов, а также в порядке исключения направить в Китай советских военных инструкторов. В случае угрозы единственной линии транспортировки советской военной помощи через Синьцзян высказывалось предложение направить для охраны этой коммуникации военно-воздушные и танковые подразделения Красной армии на условиях включения их в состав армии КР [5, с. 629, 630].

В связи с непопулярностью у китайской стороны идеи заключения пакта о дружбе в начале апреля 1937 г. НКИД подготовил еще один, уже третий вариант проекта пакта о ненападении, который 7 апреля получил одобрение Политбюро ЦК ВКП(б): «Утвердить представленный в НКИД проект советско-китайского пакта о ненападении, исключив из него ст. 1-ю», которая касалась темы установления дипломатических отношений между СССР и КР 31 мая 1924 г. [15, с. 632]. Богомолов передал проект пакта китайской стороне, и 5 мая в письме Стомонякову он отмечал, что советские предложения совпали «с моментом наибольшего смягче-

ния японской политики в Китае и с моментом расцвета надежд у китайских политиков достичь наибольших уступок от Японии… Китайцы прекрасно учитывают, что японцы больше всего боятся китайско-советского соглашения и потому опасаются, что всякие переговоры с нами в настоящий момент затруднят для них соглашение с Японией… Когда дело доходит до принятия решения, они по-прежнему трусят и колеблются» [15, с. 643, 644].

Китайская сторона не спешила с ответом на новый советский проект пакта о ненападении. 8 июня 1937 г. Стомоняков в письме Богомолову объяснял это следующими обстоятельствами: «…именно японская тактика в отношении Китая оказывает влияние на отношение китайского правительства к переговорам с нами. Несомненно, китайское правительство хотело бы использовать момент для заключения какого-нибудь соглашения с Японией, которое дало бы ему передышку в отношении японской агрессии» [5, с. 302].

13 июля 1937 г., через шесть дней после начала Японией большой войны против Китая, председатель исполнительного юаня КР Сунь Фо в беседе с Богомоловым отметил, «что Чан Кайши преследует слишком осторожную политику в отношениях с СССР и что он сам и заместитель председателя военного совета Китая Фэн Юйсян хотели бы активизировать советско-китайское сближение» [5, с. 376]. В ходе очередной встречи 16 июля Сунь Фо изложил точку зрения китайской стороны на тот момент, которая касалась возможных договоренностей с СССР. Речь вновь шла о двухстороннем пакте о взаимной помощи, на что Сунь Фо получил отрицательный ответ Богомолова [5, с. 385].

19 июля 1937 г. Чэнь Лифу посетил Богомолова и имел с ним продолжительную беседу, в ходе которой китайский политический деятель не дал никакого ответа на советский проект пакта о ненападении и по-прежнему настаивал на заключении двухстороннего пакта о взаимной помощи. Он также передал просьбу Чан Кайши об увеличении суммы военного кредита до 150–200 млн кит. долл. и о поставках военных самолетов, танков и зенитных орудий. Комментируя просьбу руководства КР, Богомолов отметил, что «считал бы желательным настаивать на заключении пакта ненападения, мотивируя это тем, что мы должны иметь гарантию, что наше оружие не будет направлено против нас» [5, с. 394].

23 июля 1937 г. министр иностранных дел КР Ван Чжунгуй в беседе с Богомоловым вслед за Чэнь Лифу также настаивал на заключении двухстороннего пакта о взаимопомощи и выделении военного кредита [5, с. 400, 401]. 26 июля Богомолову передали просьбу Чан Кайши ускорить вопрос о военных поставках вне зависимости от всяких политических условий на чисто коммерческой основе, так как якобы подписание пакта о ненападении может занять слишком много времени, а оружие надо получить как можно быстрее [5, с. 405]. Эта просьба Чан Кайши была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 29 июля 1937 г. В принятом Постановлении давалось согласие на увеличение суммы кредита, количества поставляемых самолетов и танков, на командирование в Китай советских военных специалистов, на обучение в СССР китайских летчиков и танкистов, но при одном условии – предварительном подписании пакта о ненападении [15, с. 658]. Литвинов телеграммой довел до Богомолова содержание принятого постановления [5, с. 430].

2 августа 1937 г. Богомолов имел беседу с Чан Кайши относительно полученной из Москвы информации. Информируя НКИД о содержании беседы, Богомолов отметил, что основная дискуссия развернулась по проблеме пакта о ненападении. Чан Кайши был против увязки военного соглашения и пакта о ненападении, «он не может согласиться на то, что такой пакт о ненападении мог быть истолкован как плата за соглашение о военной помощи» [5, с. 438]. Чан Кайши предлагал сначала подписать соглашение о военных поставках, затем заключить договор о ненападении и только после этого начать поставки оружия. Богомолов в ходе дискуссии, естественно, отстаивал советскую точку зрения о скорейшем подписании пакта о ненападении, в этом его поддержала участвовавшая в беседе жена Чан Кайши Сун Мэйлин. Резюмируя, Богомолов спросил Чан Кайши: «Могу ли информировать мое правительство, что китайское правительство согласно немедленно начать переговоры о пакте о ненападении?» Чан Кайши ответил согласием «при условии, если в пакте не будет ничего, что нарушило бы китайский суверенитет» [5, с. 439]. Завершая текст телеграммы, Богомолов просил НКИД переслать ему советский проект пакта о ненападении: «Я не знаю, в чем он состоит, но полагаю, что чем короче, тем лучше и тем скорее мы можем договориться с китайским правительством» [5, с. 440].

«В начале августа 1937 г., – подчеркивает Сидоров, – переговоры вышли на финишную прямую. Они велись в Нанкине Богомоловым под неусыпным контролем Политбюро ЦК ВКП(б).

С 5 по 13 августа 1937 г. оно приняло три постановления по этому вопросу. И в Москве, и особенно в Нанкине спешили побыстрее "оформить отношения", чтобы затем перейти к согласованию конкретных объемов военной помощи» [16, с. 133].

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа содержало изменения и дополнения в ранее утвержденный советский проект пакта о ненападении [15, с. 659, 660]. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа стало следствием появления очередного китайского проекта пакта о ненападении. 8 августа Чэнь Лифу вручил этот документ Богомолову, сопроводив пожеланием китайского правительства, «чтобы обе стороны при подписании обязались словесно не подписывать пакта о неагрессии с Японией» [5, с. 746]. Политбюро ЦК ВКП(б) провело согласование текстов двух проектов, которое резюмировалось фразой «не возражать против немедленного заключения пакта» [15, с. 660–661]. Наконец 13 августа Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву для Богомолова «настаивать на обязательстве китайцев не подписывать т. н. антикоммунистических договоров на весь срок договора о ненападении» [15, с. 662].

В тот же день, 13 августа 1937 г., Стомоняков предложил Богомолову настаивать на безусловном обещании Китая не присоединяться к антикоммунистическим договорам. «Если вследствие этого, – подчеркивал Стомоняков, – они потребуют от нас обязательства не заключать пакта ненападения с Японией в течение всего времени действия пакта ненападения с Китаем, отведите категорически это требование, указав на то, что антикоммунистические договоры являются открыто враждебными, т. е. агрессивными в отношении СССР, а заключение пакта о ненападении с Японией не содержало бы абсолютно ничего агрессивного и враждебного в отношении Китая. Эти взаимные обещания должны быть формально даны друг другу Вами и Ван Чунхоем при подписании пакта и составят, таким образом, устное джентльменское соглашение, дополняющее пакт» [5, с. 746, 747].

В дальнейшем китайская сторона фактически отозвала свой проект пакта о ненападении, приняв советский вариант с дополнениями и изменениями. 18 августа Богомолов встретился с Чан Кайши, который сказал, «что китайское правительство готово подписать пакт», но оно ждет разъяснений относительно необходимости его ратификации советской стороной. По получении разъяснения «оно немедленно подпишет пакт» [5, с. 463]. В ходе дальнейшего разбирательства выяснилось, что, действительно, советская сторона допустила рассогласованность в этом вопросе. Первоначально Богомолов предлагал обойтись без ратификации и ввести договор в действие немедленно, либо, если бы китайская сторона стала настаивать на ратификации, провести ее в недельный срок. Богомолову удалось убедить Ван Чжунгуя принять вариант подписания пакта без ратификации. Однако, как выяснилось, полномочия Богомолова на подписание пакта были утверждены ВЦИК СССР, и в этом случае была необходима ратификация пакта. НКИД, исправляя это недоразумение, в срочном порядке подготовил новое подтверждение полномочий Богомолова – от Совета Народных Комиссаров, в этом случае ратификация не требовалась [5, с. 745, 747].

После устранения этого последнего препятствия 21 августа 1937 г. полпред СССР в КР Д. В. Богомолов и министр иностранных дел КР Ван Чжунгуй, имевшие необходимые полномочия, подписали «Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой», состоявший из введения и четырех статей [5, с. 466–468]. Подписание договора сопровождалось устными секретными декларациями от имени правительств двух стран, которые озвучили Богомолов и Ван Чжунгуй: «Устная декларация строго конфиденциальна и никогда не подлежала оглашению, ни официально, ни неофициально. При подписании сегодня договора о ненападении уполномоченный Союза Советских Социалистических Республик заявляет от имени своего правительства, что Союз Советских Социалистических Республик не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской республики и Японии не будут формально восстановлены. Уполномоченный Китайской республики заявляет от имени своего правительства, что Китайская республика не заключит в течение действия договора о ненападении, подписанного сегодня, какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР» [15, форзац].

Пятилетний переговорный процесс между СССР и КР о заключении пакта о ненападении, сопровождавшийся большими паузами и отказами от, казалось бы, достигнутых договоренностей, находился под влиянием одного существенного внешнего фактора – фашистско-милитаристской Японии с ее непомерными агрессивными амбициями. Политика совет-

ского руководства на японском направлении в тот период сводилась прежде всего к тому, чтобы не спровоцировать Японию на большую войну против СССР, в основном ради этого за бесценок была продана КВЖД в 1935 г., этим же объяснялась крайне осторожная политика на советско-китайских переговорах. Китайская сторона начиная с 1932 г. вела параллельные переговоры с Японией, чтобы добиться приемлемого компромисса, и это для нее было важнее пакта с СССР. Чан Кайши пошел на подписание пакта о ненападении с СССР лишь после того, как окончательно убедился в провале переговоров на японском направлении. Сам пакт о ненападении Чан Кайши считал формальным актом, и он согласился подписать его под давлением советской стороны ради заключения соглашения о поставках оружия и командирования в Китай советских военных специалистов. Очевидно, что руководство обеих стран гораздо большее значение придавало не стандартным статьям пакта о ненападении, а содержанию секретной устной декларации, которая обязывала СССР не подписывать аналогичного пакта с Японией, а Китай – не присоединяться к Антикоминтерновскому пакту, направленному против СССР. Этим отчасти объясняется трагическая судьба Д. В. Богомолова, которого обвинили в том, что составленный им текст устной декларации якобы был больше выгоден КР, чем СССР [см.: 16, с. 136; 17].

Надо сказать, что Китай не нарушил данного слова и не присоединился к Антикоминтерновскому пакту, чего нельзя сказать об СССР, заключившем с Японией в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете. Самое главное историческое значение пакта о ненападении состоит в том, что он открыл возможность советско-китайского военного сотрудничества в самый тяжелый для КР период войны с Японией. По признанию многих китайских политиков, включая Чан Кайши, именно советская военная помощь сыграла решающую роль в том, что Китай не капитулировал, продолжал войну Сопротивления и внес серьезный вклад в разгром фашистско-милитаристской Японии. Историческое значение этого документа можно рассматривать и в других аспектах [см.: 16, с. 136, 137].

Список литературы

1. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 : в 2 ч. Ч. 1. М. : РОССПЭН, 2003. 856 с.

2. *Глушаков В.* История Китая в XX веке. М. : Энциклопедия-ру, 2019. 480 с.

3. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января – 31 декабря 1935 г. М. : Политиздат, 1973. 718 с.

4. Документы внешней политики СССР. Т. XIX. 1 января – 31 декабря 1936 г. М. : Политиздат, 1974. 824 с.

5. Документы внешней политики СССР. Т. XX. Январь–декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. 820 с.

6. *Дубинский А. М.* Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945 гг. М. : Мысль, 1980. 279 с.

7. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М. : Наука, 2013. 863 с.

8. *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М. : Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.

9. *Лубков А. В., Новиков М. В.* Продажа Советским Союзом Китайско-Восточной железной дороги (по документам Народного комиссариата иностранных дел СССР) // Вопросы истории. 2025. № 6. С. 22–43.

10. *Мамаева Н. Л.* Советско-китайский договор о ненападении (21 августа 1937 г.) и его значение для развития советско-китайских отношений // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы : тез. докл. XXIV Междунар. науч. конф. М., 2021. С. 128–130.

11. *Мировицкая Р. А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М. : Наука, 1990. 234 с.

12. *Новиков М. В.* Советская дипломатическая поддержка Китайской Республики в 1937–1939 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. № 1. С. 8–16.

13. *Новиков М. В.* СССР в борьбе с фашизмом: советская помощь Испанской Республике (1936–1939 гг.) и Китайской Республике (1937–1945 гг.) : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. 339 с.

14. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. : документы. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.

15. Русско-китайские отношения в XX веке : материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 г. – сентябрь 1937 г. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.

16. *Сидоров А. Ю.* Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 122–138.

17. *Соколов В. В.* «Забытый дипломат» Д. В. Богомолов (1890–1938) // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 165–195.

18. *Сотникова И. Н.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 123–133.

19. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 798 с.

20. *Тихвинский С. Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 : по материалам биографии Чжоу Эньлая. М. : Восточная литература, 1996. 575 с.

The Conclusion of the Soviet-Chinese Non-Aggression Pact of 1937

Novikov Mikhail Vasilyevich

Doctor of History, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the history (1932–1937) of the Soviet-Chinese negotiation process on the conclusion of the non-aggression pact of 1937 on the basis of the documents of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR. The aim of the study is a detailed analysis of the documentary materials and a reconstruction of the course of the negotiation process on their basis. The simultaneity is noted of the Soviet-Chinese negotiations on the restoration of the diplomatic relations severed by China in 1929 and of the negotiations on the conclusion of a non-aggression pact initiated by the Chinese side. It is emphasized that, after Japan's seizure of the north-eastern provinces of China and the establishment there in March 1932 of the puppet state of Manchukuo, the Republic of China was extremely interested in negotiations on the pact in order thereby to exert pressure on the Japanese side at the Japanese-Chinese negotiations on reaching a mutually acceptable compromise. It is emphasized that subsequently the Chinese side abandoned the idea of a non-aggression pact and began to insist on the conclusion of a mutual assistance pact, which was at first supported by the Soviet side and later rejected by it. On the initiative of the Soviet side, the variant of concluding a non-aggression pact was again discussed at the negotiations; after the failure of the Japanese-Chinese negotiations on reaching a mutually acceptable compromise it was signed on August 21, 1937, under the conditions of the full-scale war that Japan had begun against China. It is noted that of far greater importance for China in that situation was the Soviet-Chinese agreement concluded in September 1937 on cooperation in the military sphere, on arms supplies, and on the dispatch of Soviet military specialists to China, which played an important role in the resistance to Japanese aggression in 1937–1941.

Keywords: the USSR, the Republic of China, non-aggression pact, negotiations, military agreement, arms supplies, Soviet military specialists.

References

1. *VKP(b), Komintern i Kitaj. T. IV. VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1931–1937 : v 2 ch. Ch. 1* [The AUCP(b), the Comintern and China. Vol. 4. The AUCP(b), the Comintern and the Soviet Movement in China. 1931–1937 : in 2 parts. Part 1]. M., ROSSPEN, 2003. 856 p.

2. *Glushakov V. Istoriya Kitaya v XX veke* [The History of China in the 20th Century]. M., Enciklopediya-ru, 2019. 480 p.

3. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XVIII. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1935 g.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 18. January 1 – December 31, 1935]. M., Politizdat, 1973. 718 p.

4. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XIX. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1936 g.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 19. January 1 – December 31, 1936]. M., Politizdat, 1974. 824 p.

5. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XX. Yanvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 20. January – December 1937]. M., Politizdat, 1976. 820 p.

6. *Dubinskij A. M. Sovetsko-kitajskie otnosheniya v period yapono-kitajskoj vojny, 1937–1945 gg.* [Soviet-Chinese Relations during the Period of the Sino-Japanese War, 1937–1945]. M., Mysl' (Thought), 1980. 279 p.

7. *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka : v 10 t.* [The History of China from the Earliest Times to the Beginning of the 21st Century : in 10 vols.] / ed.-in-chief S. L. Tihvinskij. *T. VII: Kitajskaya Respublika (1912–1949)* [Vol. 7: The Republic of China (1912–1949)] / ex. ed. N. L. Mamaeva. M., Nauka (Sciences), 2013. 863 p.

8. *Ledovskij A. M. SSSR i Stalin v sud'bah Kitaya. Dokumenty i svidetel'stva uchastnika sobytij: 1937–1952* [The USSR and Stalin in the Destinies of China. Documents and Testimonies of a Participant in the Events: 1937–1952]. M., Pamyatniki istoricheskoj mysli (Monuments of Historical Thought), 1999. 344 p.

9. *Lubkov A. V., Novikov M. V. Prodazha Sovetskim Soyuzom Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi (po dokumentam Narodnogo komissariata inostrannyh del SSSR)* [The Sale by the Soviet Union of the Chinese Eastern Railway (Based on the Documents of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR)] // *Voprosy istorii* – Questions of History. 2025. No. 6. Pp. 22–43.

10. *Mamaeva N. L. Sovetsko-kitajskij dogovor o nenapadenii (21 avgusta 1937 g.) i ego znachenie dlya razvitiya sovetsko-kitajskih otnoshenij* [The Soviet-Chinese Non-Aggression Treaty (August 21, 1937) and Its Significance for the Development of Soviet-Chinese Relations] // *Kitaj, kitajskaya civilizaciya i mir. Istoriya, sov-*

remennost', perspektivy : tez. dokl. XXIV Mezhdunar. nauch. konf. [China, Chinese Civilization and the World. History, the Present, Prospects : Abstracts of the 24th International Scientific Conference]. M., 2021. Pp. 128–130.

11. *Mirovickaya R. A. Sovetskij Soyuz v strategii Gomin'dana (20–30-e gody)* [The Soviet Union in the Strategy of the Kuomintang (the 1920s–1930s)]. M., Nauka (Sciences), 1990. 234 p.

12. *Novikov M. V. Sovetskaya diplomaticheskaya podderzhka Kitajskoj Respubliki v 1937–1939 gg.* [Soviet Diplomatic Support for the Republic of China in 1937–1939] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Kostroma State University. 2024. No. 1. Pp. 8–16.

13. *Novikov M. V. SSSR v bor'be s fashizmom: sovetskaya pomoshch' Ispanskoj Respublike (1936–1939 gg.) i Kitajskoj Respublike (1937–1945 gg.) : monografiya* [The USSR in the Struggle against Fascism: Soviet Aid to the Spanish Republic (1936–1939) and the Republic of China (1937–1945) : a monograph]. Yaroslavl', RIO YaGPU, 2024. 339 p.

14. *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. : dokumenty* [The Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-AUCP(b) and the Comintern: 1919–1943 : Documents]. M., ROSSPEN, 2004. 960 p.

15. *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke : materialy i dokumenty. T. III. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. Sentyabr' 1931 g. – sentyabr' 1937 g.* [Russian-Chinese Relations in the 20th Century : Materials and Documents. Vol. 3. Soviet-Chinese Relations. September 1931 – September 1937] / ex. ed. S. L. Tihvinskij. M., Pamyatniki istoricheskoj mysli (Monuments of Historical Thought), 2010. 861 p.

16. *Sidorov A. Yu. Problema zaklyucheniya pakta o nenapadenii v sovetsko-kitajskih otnosheniyah (1932–1937 gg.)* [The Problem of Concluding a Non-Aggression Pact in Soviet-Chinese Relations (1932–1937)] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Far Eastern Affairs. 2009. No. 1. Pp. 122–138.

17. *Sokolov V. V. "Zabytyj diplomat" D. V. Bogomolov (1890–1938)* ["The Forgotten Diplomat" D. V. Bogomolov (1890–1938)] // *Novaya i novejshaya istoriya* – Modern and Contemporary History. 2004. No. 3. Pp. 165–195.

18. *Sotnikova I. N. Pomoshch' SSSR Kitayu v antiyaponskoj vojne 1937–1945 gg.* [The Aid of the USSR to China in the Anti-Japanese War of 1937–1945] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Far Eastern Affairs. 2011. No. 3. Pp. 123–133.

19. *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. M., ROSSPEN, 2001. 798 p.

20. *Tihvinskij S. L. Put' Kitaya k ob'edineniyu i nezavisimosti. 1898–1949 : po materialam biografii Chzhou En'laya* [China's Path to Unification and Independence. 1898–1949 : Based on Materials from the Biography of Zhou Enlai]. M., Vostochnaya literatura (Oriental Literature), 1996. 575 p.

Поступила в редакцию: 16.03.2026
Принята к публикации: 08.04.2026